

КИРИЛЛ КУТАЛОВ

ОЦУП

Кирилл Куталов

Ovum

«Издательские решения»

Куталов К.

Ovum / К. Куталов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566216-3

Альтернативное будущее. После Перехода мир живёт под контролем всевидящих камер Комитета Сестёр. Настоящие женщины, мужчины — всё это осталось в прошлом, теперь близкие контакты разрешены только в нейросети, где каждый может получить партнёра на любой вкус и воплотить любые желания. Одни приспособились к жизни в этой тотальной иллюзии, другие охотятся за нелегальными удовольствиями. А кому-то хочется найти в виртуальном пространстве дорогу к подлинной реальности — и однажды это удаётся. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-566216-3

© Куталов К.

© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
1. Чёрная. Ноут	6
2. Славик. Фиксер	8
3. Чёрная. Трубы похоти	11
4. Диана. В теле обычного человека	13
5. Славик. Живое	15
6. Чёрная. Коворкинг	17
7. Инженер. Прототип	19
8. Чёрная. Зеркальные нейроны	21
9. Диана. Легче кевлара	24
10. Чёрная. Ретропластик	26
11. Инженер. Активация резервной копии	29
12. Славик.	31
13. Чёрная. Сложное чувство	34
14. Славик.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ovum

Кирилл Куталов

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет.

Редактор Ирина Залогина

Корректор Александра Приданникова

Иллюстратор Ира Ленсберр

Дизайнер обложки Дарья Иванова

© Кирилл Куталов, 2022

© Ира Ленсберр, иллюстрации, 2022

© Дарья Иванова, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-6216-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

1. Чёрная. Ноут

...и садится ему на лицо».

Я написала последнее слово, поставила точку, нажала Enter, и экран ноутбука погас. Ещё секунду у меня перед глазами светилась цифра 31. Тридцать одна страница нейроскрипта. Потом погасла и цифра. Я воткнула в гнездо кабель питания, нажала On/off, постучала по клавишам. Не помогло.

Ноут умер.

Скрипт, конечно, никуда не пропал. Сохранился в метаоблаке Morgenshtern'a, на бэкап-сервере Комитета Сестёр, во вселенском кеше. Информация не пропадает. Всё дублируется, каждая буква записывается в блокчейн. Захочешь, ничего не удалишь из этих облачных цепей. Так было до Перехода, так происходит сейчас, так будет всегда.

Другое дело ноут. С паутиной из тысячи царапин на алюминиевой крышке. С протёртым до прозрачности пластиком на пробеле и левом Shift'e. С тремя битыми пикселями в разных углах экрана, минуту назад они светили сквозь матрицу белым неоном, последний раз за десять лет.

До Перехода у меня никогда не было десятилетнего ноутбука. Политика студии, раз в три года профилактическая замена. Нужно было только подождать полчаса, пока айтишник сидел за моим столом и настраивал рабочую почту, посмотреть в окно, на здание соседнего бизнес-центра, на усатого мужика в белой рубашке возле входа, он выходил покурить за компанию с высоким охранником в чёрной форме и с жёлтыми шевронами на рукаве, издали они вдвоём напоминали рисунок Tom of Finland, сходить на офисный обед, налить из автомата бесплатный офисный капучино.

До Перехода мой мир был на гарантийном обслуживании. Все поломки учитывали заранее и авансом вносили в бюджетную ведомость.

Потом гарантия закончилась.

Мёртвый десятилетний ноут лежал передо мной на столе из ДСП, между пятном от сигареты и пятном от вчерашнего кофе.

Мне было не на чем закончить этот чёртов скрипт. Завтра мне нечем будет заплатить за жильё. Я знаю, да, невелика потеря, дыра, студия площадью двадцать квадратов, больше похожая на морской контейнер, плита на две конфорки, стол из ДСП напротив плиты, стоячий душ и самый нелепый предмет в мире, хрустальная люстра с гирляндами гранёных шариков. Но кровать, господи, кровать. В этом двадцатиметровом контейнере стояла настоящая кровать, огромная, в половину единственной комнаты, с настоящим матрасом на пружинах. Роскошь. Пойди найди такую в съёмном жилье экономкласса. И купить не на что.

Я захлопываю алюминиевую крышку, закрываю глаза, отсчитываю семь ударов сердца, открываю глаза, беру его обеими руками, потерпи, родной, сейчас всё закончится, и об столешницу с размаху. Он неожиданно мокро хлопает нутром, у него там накачанный спермой презерватив, вздутые водянкой кишки, расплавленный мозг, желе из жира.

Morgenshtern запустил бы ноут в стену, и осколки мёртвой матрицы смешивались бы в ультрапиде с бетонной крошкой, отражаясь в самом нелепом предмете в мире, в гирлянде хрустальных шариков на люстре. А я, а я добила старичка об стол. Совсем не так эффектно. Как реальный секс, несогласованная физическая возня, тяжёлая, утомительная. Не то что нейро-контакт, Morgenshtern, сероглазый саб-блондин, темнокожая дом-великанша, толстенький азиатский асексуал. Кто угодно, каждый день, любая комбинация сотен параметров. Все эмоции, переживания и оргазмы авторизованы, нужно только принять условия и дожидаться информированного согласия, а потом давай, бей посуду, ломай кости, прыгай в *сирийскую цепь*.

Morgenshtern никогда не жил в съёмных квартирах, и платить за ремонт стен ему бы не пришлось. Morgenshtern вообще не жил в физическом мире и ни за что не платил. Его так придумали и сделали, он никогда ни за что не платил.

2. Славик. Фиксер

Официально Славик не существовал.

В каждую командировку он ездил с новым паспортом, а когда спрашивали, на кого работает, отвечал, что ни на кого, на себя, не работает, путешественник, блогер.

Исходники Славик не хранил, гнал *живое* сразу через автономный спутник связи на защищённый сервер, прямо с камер. В его телефоне были размытые – для отвода глаз – снимки от бедра. Бары, пляжи, рынки, парни, девушки. Обычные люди. Обычные плохие фотки. Иногда подходили, просили удалить – он удалял.

По Африке Славик гонял уже два месяца. Из страны в страну, из города в город – Кампала, Гулу, Киншаса, Кананга, Найроби, Накуру. Нигде не задерживался дольше недели. В путеводителях по этим местам обычно пишут: не носите с собой крупные суммы денег, не пользуйтесь на улице дорогими телефонами и фотоаппаратами, не надевайте заметные украшения, не выходите из отеля после наступления темноты.

Что делать во время вооружённого переворота – не пишут.

Повстанцы осадили президентский дворец в Найроби в понедельник, когда Славик добрался до побережья Индийского океана. Он снял жильё в Малинди, курортном городке в двух часах езды от Момбасы – двухэтажный дом в стороне от набережной, на улице позади рынка. Туристы в этот район не заходили, полиции мало – то, что нужно. В доме почти не было мебели, там вообще почти ничего не было, в большой спальне на втором этаже стояла king-size кровать с кованой спинкой, висели жалюзи на окнах, неработающий вентилятор на потолке и кондиционер в стене. Ещё была армейская койка в комнате на первом – на ней Славик спал.

Во вторник и в среду в новостях первым номером шли репортажи из столицы. Войска теснили повстанцев в сторону Киберы. Перестрелки на улицах. Трупы на проезжей части. Сгоревшие тачки. Быстрый монтаж, общий план.

В четверг вечером на улицу позади рынка приехал армейский джип с крупнокалиберным пулемётом в открытом кузове и двумя автоматчиками в форме без знаков различий. Африканский шик. Встали на возвышении, простояли всю ночь.

Из техники у Славика оставалось два смартфона, планшет и запасная горго. Дисплей рабочей 3D-камеры лопнул в Накуру неделю назад – не выдержал жары, устал от *живого*. Из чёрной дыры дисплея торчали стеклянные кинжалы длиной в сантиметр, осколками поменьше была напигована поролоновая подкладка алюминиевого бокса. Африка, конечная. Всё заканчивается и ломается, а новое взять неоткуда.

Славик успел записать этой камерой видео на четыре полных метра, рабочий день банковского клерка. *Живое*, настоящий секс, настоящая сперма, настоящие члены, настоящие влагалища. Всё настоящее, как старый советский пулемёт в кузове джипа. Эксклюзив. В Пакистане за такое отрубят обе руки. В Тае удавят и бросят труп собакам.

Смартфон и горго можно было подключить через самодельный контроллер – перепаяли ребята в гараже на Савёловской – картинка местами будет двоить, но так даже лучше. По брифу оставалась последняя сцена, кульминация, money shot, и для неё были нужны *тела*. Настоящие, чтобы трахались под армейским амфетамином.

В пятницу утром Славик раздвинул пальцами пыльные полоски жалюзи, посмотрел в окно. Джипа с пулемётом не было. Дети гоняли в пыли консервную банку. Возле нежно-розовой, выгоревшей под тропическим солнцем стены барака дымился чёрный мусорный бак. Обычный день на задворках городка в Восточной Африке. Пока в новостях не объявят, что аэропорты захвачены повстанцами, можно не дёргаться.

Водитель тук-тука, замотанный в белую простыню высохший сомалиец, жевал кат, свежие побеги торчали из холщового мешочка под ногами.

Тук-тук привёз Славика в Chez Dada – туристический бар возле набережной, напротив торгового центра. Тент из линялого брезента, растянутый на толстых столбах-опорах. Прохладная пыль поверх каменной плитки на полу. Тяжёлые диваны из толстых брёвен и грязно-розовой потрескавшейся кожи. Низкие столики из стекла и ротанга. Сбежавшие от Перехода белые. *Живое* и героин. Кенийский кофе и банановое пиво.

Держали Chez Dada французы, семейная пара. Сегодня оба были на месте, редкий случай. Хозяин сидел у стойки в расстёгнутой до живота голубой рубашке. Снизу белые шорты, сверху – соломенная шляпа-сафари с тёмной от вьёвшегося пота полоской у края полей. В жёлтых волосах на груди блестели цепочки с буддийскими медальонами и два православных креста. Хозяйка в линялом джинсовом комбинезоне стояла у раскрытого полога тента.

К тенту подъехал армейский джип, один в один как тот, что Славик видел из окна, только без пулемёта в кузове. Из джипа вылез высокий человек в камуфляжном х/б, чёрном спецназовском берете и очках-авиаторах. Хозяйка подошла к высокому, протянула бумажный конверт. Высокий заглянул внутрь конверта, улыбнулся золотыми зубами, спрятал конверт в карман х/б.

Джип газанул и двинул прочь, в конце улицы лягнув колёсами воздух над лежащим полицейским.

Телевизор позади стойки без звука показывал десятичасовые новости: повстанцы отбили атаку и шли с боями к президентскому дворцу. Трупы на проезжей части. Перевёрнутые тачки. Автоматчики в форме без знаков различия. Славик снял бы по-другому.

Справа от Славика пили кофе три белые женщины лет восьмидесяти, в открытых сарафанах. Географическая карта пигментных пятен, рептильи крылья обвисшей кожи с внутренней стороны плеч. За столиком левее растеклась по дивану пара: бледные, в круглых солнечных очках, сзади под воротником чёрной рубашки белела контрастная строчка *Maison Margiela*. Два свежешёких немецких пенсионера – один в розовом поло, другой в салатном – устроились у стойки и поглаживали бутылки Tusker lager.

Славик пил кофе и ждал фикса.

Фиксер приходил в Chez Dada каждое утро. Он отыскивал новых клиентов, недавно прибывших белых туристов. Замечал такого и лениво шёл в его сторону, как будто мимо. Шаркал пластиковыми шлёпанцами на отёкших ногах. Останавливался в паре шагов от столика. Улыбался, кивал и даже как будто уменьшался в размере. Потом подходил ещё на шаг, доставал из кармана толстую пачку мятых денег. От денег слабо пахло забродившим манго.

– Обмен, мистер? Курс лучше, чем в банке. Без очереди, без паспорта.

Если срабатывало, продолжал, наклоняясь над столиком, ввинчивался в сознание медленным саморезом: есть ещё кое-что, тебе понравится, мистер. Я присяду? Зови меня Иди. Как Иди Амин. Слышал про такого?

Присаживался. Недолго беседовали, Иди улыбался и играл мятой пачкой. Белые цепенили. Вскоре Иди уходил – и возвращался уже не один.

Когда Славик заказывал омлет, Иди привёл в бар двух девушек одинакового роста. На одной было тёмно-бордовое с чёрным узором африканское платье, на другой короткие тёмно-синие шорты и крошечный красный топ. Маленькая грудь, длинные ноги, тонкие руки. Хорошие *тела*, подошли бы для финальной сцены.

Иди и девушки присели за столик к бледнолицей паре. Женщина в круглых чёрных очках полулежала на диване, закинув ногу за ногу – худые щиколотки, сухая, как присыпанная белым порошком, кожа. Мужчина в *Margiela* пощупал девушек за колени, сжал одной бедро, другую взял за подбородок, потрепал по щеке. Верхняя губа мужчины зацепилась за клык, и клык белел на белом лице.

Ещё через полчаса – Славик уже съел омлет – Иди привёл подругам в сарафанах парня лет двадцати. Косички до пояса, бриджи до середины мощных рельефных икр, тонкие щиколотки. Иди повторял: «*Куньяза, куньяза*», – и делал указательным пальцем жест, как будто протыкал снизу воздух. Подруги улыбались, помахивали крыльями, фоткали парня, трогали выступившую на бицепсе вену.

Немецкие пенсионеры тянули по третьему *Tusker* за утро. К ним Иди подсел с крошечной кенийкой в чёрном микроплатье, в тени брезентового тента она почти исчезала, только белки глаз и зубы белели рядом с розовым и салатным поло. Кенийка заказала водку-тоник, выпила, как стакан воды, в два глотка.

Славик кивнул фиксеру.

– Хороший курс, мистер. – Иди вытащил из кармана пачку. – Лучше, чем в банке. Без очереди, без паспорта.

– Присядь, дружище.

– Я тебя здесь уже видел, мистер.

– Я тебя тоже. Мне нужны *тела*. Трое. Две девушки, один парень. Трезвые. На ночь, до утра. По этому адресу. Привези их мне до заката. Сможешь?

– Нет проблем, мистер. Привезу. Хорошие тела. Всё умеют. Будет много *воды*. Оплата вперёд.

Иди улыбался, перебирал толстыми пальцами мягкие деньги. Пахло потом и забродившим манго.

3. Чёрная. Трубы похоти

Пока спускалась в лифте, перечитала с экрана телефона последнюю страницу, ту, что закончила до смерти ноута. Одна сцена, как раз успела за девять этажей.

«Уровень допуска: 18+, стандартный обладатель ежемесячной подписки.

Жанр: погружающая нейросимуляция.

Серия: «Трубы похоти».

Локация: типовой подъезд в многоквартирном доме на окраине города.

Стимуляция обонятельного центра: запах вагинального секрета, запах ношенного не более трёх часов белья (нота стирального порошка по запросу пользователя, нота мочи по запросу пользователя).

Стимуляция слухового центра: скрип песка под ногами, хруст мелких осколков стекла, неразборчивая лёгкая музыка из квартир вдоль лестничных пролётов.

Стимуляция зрительного центра: зелёные стены подъезда, уходящая вверх лестница с густо перекрашенными тёмно-бордовыми перилами (крупно – подтёки краски), посеревший от пыли потолок. На стене углём нарисована вагина в человеческий рост, издавек она напминает вытянутую по вертикали розу, при приближении рисунок становится похож на пропущенную через инстафильтр фотографию. Два десятка эрегированных членов в натуральную величину, нарисованные тем же углём на сером потолке лестничного пролёта, выглядят по сравнению с вагиной непропорционально мелкими. Члены направлены вверх и вперёд, туда же, откуда доносится запах. Все рисунки ограниченно анимированы, до эффекта мерцания.

Камера от первого лица движется вверх по лестнице.

На последнем этаже под чердачным люком – приоткрытая дверь (метка цели – подсвеченный контур). За дверью типовая квартира в девятиэтажке на южной окраине города. Из окна кухни (на подоконнике – вытянутый пожелтевший кактус в коричневом горшке) видны такие же девятиэтажки, расположенные под прямым углом друг к другу, они отличаются только цветом: светло-жёлтые, светло-голубые, белые. При повороте камеры влево видно зеркало, в зеркале – отражение нейропроекции клиента.

Ситуационный костюм клиента: синий рабочий комбинезон с широкими лямками поверх белой, плотно облегающей футболки, подчёркнуты дельтовидные мышцы, большие грудные мышцы, трапециевидная мышца, медиальные головки трицепсов. Лицо из библиотеки Morgenshtern, этническая идентичность по запросу пользователя, биологический возраст по запросу пользователя.

Из комнаты в дальнем конце коридора выходит нейропроекция женского персонажа. Ситуационный костюм: банное полотенце, обёрнутое вокруг тела, прикрывает грудь и полностью открывает ноги. Второе полотенце обёрнуто чалмой вокруг головы, в следующем кадре второе полотенце падает, волосы рассыпаются по плечам, они заметно влажные.

Стимуляция обонятельного центра: парфюмерный запах шампуня, запах тела, запах вагинального секрета.

<Разместите нормативное предписание здесь>

<Текст предписания>

«Все модели-нейропроекции в предложенной симуляции созданы с использованием обезличенных данных, любое сходство с физическими лицами – субъектами права является случайным и непреднамеренным. Авторы программы предупреждают: сексуальное либо сексуально окрашенное либо воспринимаемое таковым одной из сторон взаимодействие с любыми физическими лицами – субъектами права возможно только после заключения формализован-

ного согласия. Нарушение этого правила влечёт наказание в соответствии с действующим законодательством. Нажмите „Принять“, чтобы продолжить».

<Текст предписания завершён>

Необходимый элемент: интерактивный блок «Принять». Активация блока возвращает клиента в поток сцены.

Переход через монтажную склейку.

Клиент лежит на спине, нейропроекция женского персонажа стоит над клиентом, на уровне головы, расставив ноги. Полотенца и одежда лежат рядом. Камера переходит с лица (яркая красная помада на губах) на вагину (метка цели – подсвеченный контур), вагина повторяет формой рисунок на стене подъезда.

– Привет, красавчик.

На этой реплике нейропроекция женского персонажа наклоняется, берёт рукой нейропроекцию клиента за волосы и садится ему на лицо».

Мне оставалось написать в этот скрипт ещё две сцены, до пяти получить комментарии комитета приёмки и до семи внести правки, потому что в семь рабочий день закончится и комитет отключится от группового чата. Не успею, значит, пролечу мимо денег и будет нечем заплатить за квартиру. Вот так просто.

Все комментарии комитета я знаю заранее. Они не говорят ничего нового уже много лет, одни и те же слова на каждой фидбэк-сессии, с небольшими вариациями.

Y-хромосомный алкоголик из отдела продаж скажет, нужно усилить wow-эффект. У него двойные мешки под глазами, он замазывает их тональником. Кого ты дуришь, думаю я каждый раз, бутылка красного на ночь твой wow-эффект.

Ещё он говорит иногда, персонажи недостаточно идеальные.

Эти слова могут значить что угодно, может, у него похмелье и белый свет ему не мил, я никогда этого не пойму и не узнаю, я даже переспрашивать не буду, что он имеет в виду.

На этом месте подключится зануда из продакшена, скажет, такая у нас работа, делать идеальные создания, идиолов, концентрированные массивы записанных эмоций и образов для прямой передачи в мозг.

Спасибо, скажу, я с утра не могла вспомнить.

Потом будет кульминация, вступит генеральная. Как отрежет, нам нужно порно, если по-старому. Понимаете значение этого термина?

Спорить бесполезно, конечно, скажу, конечно, госпожа генеральная, я понимаю значение термина. Прекращаю разговор, ухожу вносить правки, буду делать идеальные создания, добавлять wow-эффект, как скажете. Только вот незадача, небольшой глюк, сбой в системе. Если я не найду работающий компьютер, никакого порно вам сегодня не будет.

4. Диана. В теле обычного человека

Новых женщин Шейху привозили раз в неделю.

Досье на него завели давно, ещё до Эпидемии. Он тогда проходил свидетелем по делу о подпольных порностудиях – не стал дожидаться изменения статуса, сбежал из страны, исчез в Турции, а потом всплыл в Эмиратах, откуда перестали выдавать после Перехода. «Шейх» был его ник в мессенджерах.

В Дубае он развернулся: *живое*, импорт *тел* через Марокко и Стамбул. Диана лично изучала его жертв, так же скрупулёзно, как раньше – самого Шейха. Собирала досье на каждую сестру. Откуда родом? Где росла? Где училась – если вообще училась? Как попала в Дубай? Куда её отправили потом – и где её следы терялись навсегда? Искала совпадения, отмечала точки на карте. Точки со временем превращались в пунктирные линии – чёрными контурами проступали каналы человеческого трафика.

Она точно знала, как покончит с ним – лично, своими руками. Видела эту сцену во сне, представляла наяву, продумывала, привыкала к расположению предметов и хронометражу событий: вот он сидит на стуле напротив неё, одетый в белую джалабию, она поднимает оружие, шесть сухих щелчков, шесть красных гвоздик на белом.

Чтобы довести замысел до исполнения, нужен был повод, серьёзный, почти фантастический: если бы в очередную партию невольниц попала такая же, как она, из мира Перехода, или если бы он сам, лично, убил кого-нибудь и этому остались бы неопровержимые свидетельства. Ждала.

Три года прошло – Шейх ни разу не пересёк черту. Или пересёк, но она не уследила.

Во время решающей телеконференции аватарка Старшей сестры Комитета, высшей *officière* – белый пони-единорог с сиреневой гривой и витым розовым рогом – ворвалась в эфир уже на середине её доклада.

– Это же *живое*, из Африки, – сказала пони-единорог. – Не наша область, пусть Интерпол им занимается. Спецоперации, серьёзно? Нет. Просто нет. Окончательное решение. Что там ещё у вас? *Тела*? Трафик из Кении и Нигерии? Они же сами подписали согласие. Мы ничего не можем сделать, даже если бы хотели.

У Дианы в глазах поплыло от ярости на этих словах: они не знали, что подписывают, половина читать не умеет, не то что писать.

– Мы ничего не докажем. Жди. Будешь самовольничать – заменим нейронкой.

Пони-единорог прислала в общий чат подпрыгивающий смайлик.

И она ждала. Как в детстве, шесть лет, вечность, всё своё детство, до Эпидемии, до Перехода – ждала.

Диане было двенадцать, когда похоронили её отца, в закрытом гробу, по эпидемиологическому протоколу. Шестой штамм – последний перед войной и Переходом. На похоронах она выла и рычала, упала в жирную октябрьскую глину возле свежей могилы, била по этой глине кулаками и ногами, кусала эту глину, набивала рот, её рвало этой глиной. Приехала скорая, ей вкололи транквилизатор. Вопросов ни у кого не возникло: бедный ребёнок, сирота, как ещё это должно было выглядеть, такое горе, шок.

На ощупь глина была гладкой и холодной. Диана помнила это чувство – гладкого и холодного, такой на ощупь была кожа на животе отца, когда он пришёл ночью к ней, шестилетней, в комнату и сделался огромным, гораздо больше, чем был всегда, или он всегда был таким огромным, великаном, чудовищем, и только днём прятался в теле обычного человека. Под тяжестью его гладкого холодного тела у неё сначала отнялись руки и ноги, а потом и сознание отключилось, она как будто исчезла тогда, её не стало там, в тот момент. Когда сознание вернулось, он уже ушёл, и она снова была одна.

О той ночи никто никогда не узнал. На похоронах отца Диана выла и рычала, кусала гладкую глину, потому что не дождалась – он снова ушёл, не получил смертельной дозы справедливости, просто взял и сдох, сам.

Она видела отца в зеркале каждое утро: низкие брови, покатый лоб, хищные, как будто всегда раздутые в приступе гнева ноздри.

На совершеннолетие сделала себе подарок. Три недели в клинике. Хирурги спилили надбровные дуги, расточили края глазниц, подняли уголки бровей. Нос не тронули – просила не трогать. Когда с изрезанного опухшего лица впервые сняли перед зеркалом бинты, увидела: теперь всё так, как и должно быть. Фурия Перехода – хищная птица перед броском.

В двадцать лет Диана получила лычки *officière* Комитета Сестёр и право карать таких, как её сбежавший от возмездия отец. Причинять справедливость.

Шейх уже тогда был легендой, антигероем, заочно приговорённым во всех странах Перехода. Про него знали многое, зубной слепок и оцифрованная карта родинок на его теле ждали только процедуры опознания трупа. Диана могла вслепую одной линией нарисовать его тяжёлый, выпирающий от груди живот, и ещё она знала наверняка: кожа на этом животе – гладкая и холодная.

За окном апартаментов Шейха в Бурдж-Халифе месяцами висел автономный дрон, крошечный карбоновый шершень со сверхчувствительным микрофоном. Через глаза шершня Диана наблюдала, как перед сном Шейх снимает джалабию и превращается в бесформенное чудовище, монстра, только днём прячущегося в теле обычного человека.

5. Славик. Живое

За полчаса до съёмки Славик подготовил площадку. Передвинул кровать с кованой спинкой в центр комнаты на втором этаже, натянул на матрас серую простыню на резинках. Поставил в углах две лампы, закрепил на штативе смартфон и горго, подключил к планшету контроллер, проверил кадр. То, что нужно.

План был такой: доснять материал – и в отпуск. Хорош уже: десятый выезд за три года. Пора отдохнуть. От Кении, от Уганды. От мастеров куньязы. От литров сквирта. С каждого гонорара Славик откладывал: закидывал понемногу в банк в Эмиратах. Теперь всё, хорош. Уедет в Азию, во Вьетнам, ещё куда-нибудь, где тепло и дешево. Фрукты, ром, чистое море. Никаких автоматчиков в конце улицы. Денег хватит надолго. Заказчики... ну что заказчики. Подождут.

Ткнул в пульт кондиционера, добавил мощности, на ЖК-дисплее всплыло слово МАХ. Из-под пластикового крыла потянуло гнилыми тряпками, внутри задребезжало, как гвоздей насыпали, – долго на таких ходах кондиционеру не протянуть, хорошо, если хватит охладить комнату перед съёмкой, хотя бы час без жары.

Без четверти семь Славик выглянул через жалюзи наружу – в дальнем конце улицы снова стоял армейский джип с пулемётом. Позади у заросшей лопухами стены двое пацанов лет семи пинали консервную банку, автоматчик в камуфляже передавал водителю косяк.

В семь к дому подъехал микроавтобус. За рулём сидел сам Иди. Из раздвижной двери вышли трое – парень и две девушки. Одна была похожа на сомалийку, тощая, с маленькой головой, с выступающей верхней челюстью. Вторая, красивая, высокая, очень тёмная, обрита налысо. У обеих губы контрастно отсвечивали розовой перламутровой помадой. Парень мало чем отличался от утренней добычи перепончатых подруг, только косичек у него не было и вместо баскетбольной майки – обтягивающая футболка.

Иди довёл *тела* до двери, постучал, дождался, когда Славик внутри нажмёт кнопку электрозамка, вернулся в машину и оттуда помахал рукой: развлекайся, мистер.

Трое поднялись на второй этаж. Три стакана с армейским амфетамином, разведённым в горячем апельсиновом соке, Славик поставил возле кровати, на ящик с игрушками. Сомалийка и парень вопросов не задавали – видно было, что не в первый раз. Выпили, начали раздеваться. Славик проверил кадр. Красивая стояла посередине комнаты, как будто ждала чего-то.

– Пей, – сказал Славик.

Она едва заметно повернула голову и полсекунды смотрела, как он возится внизу с камерой. Высокая, широкие плечи, сильная спина, мощные бёдра. Талия узкая, и скулы красиво поднимаются. Славик подошёл к кровати, взял с ящика стакан, поднёс ей.

– Пей.

Лысая была выше его на голову, и пальцы у неё были длинные, такие, что, обхвати она ими шею Славика, тут ему и конец, поминай как звали.

Она приняла из его рук стакан, выпила.

Амфетамин подействовал через десять минут.

Сомалийка трахала парня длинным двойным дилдо, пока лысая сидела у него на лице (Славик сделал зум на её зад и поснимал так минуты три). Другим концом дилдо сомалийка имитировала *куньязу*. Она уже кончила два раза и вот-вот готова была выплеснуть третий фонтан. Иди не обманул, *воды* было много.

Трое не замечали Славика, как львы в саванне не замечают джипов с туристами. Он включил второй смартфон, проверил сигнал с контроллера – схема работала, сигнал шёл через планшет на спутник, оттуда в облако. Вышел из комнаты, спустился на первый, постоял, прислушиваясь: *тела* наверху стонали, мерно стучала о стену спинка кровати. Обычный вечер в Восточной Африке.

Через чёрный ход Славик вышел из дома в узкий проулок. Дорожка утоптанной красной земли между домами, две канавы слева и справа, забитые пластиковыми бутылками и жухлыми листьями. Солнце уже село, в воздухе пахло горелым мясом, выхлопом и тлеющей мусорной кучей.

Чёрный седан такси перегораживал дорогу неподалёку от выхода из проулка. Когда Славик появился в просвете, водитель мигнул аварийкой. Славик пробрался между корпусом машины и стеной дома, пролез в щель двери, кинул на сиденье рюкзак с вещами.

– В аэропорт?

– По длинной дороге.

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида – два мутных белых пятна в темноте – ни о чём не спросил, молча завёл двигатель, поехали.

В путеводителях по Африке пишут: не носите с собой крупные суммы денег, не пользуйтесь на улице дорогими телефонами и фотоаппаратами, не надевайте крупные украшения, не выходите из отеля после наступления темноты. Избегайте ночных дорог. Любой ценой избегайте ночных дорог. Нарушение правила может привести к последствиям, несовместимым с жизнью. В этой части мира слишком мало работающих светофоров. В этой части мира разумнее верить в удачу, чем полагаться на исправные тормоза.

Навстречу чёрному седану несло разбитое кенийское шоссе: в кузовах грузовиков бились друг о друга баллоны со сжиженным газом, подлетали на колдобинах бензовозы, мусорные самосвалы выпускали облака пыли, песок мелкой дробью колотил по крыше и капоту. Тонны ржавого металла, сажа выхлопа, темнота и грохот.

Славик проверил картинку. Сигнал сбежавшего спутника был таким же разбитым, как шоссе, изображение на экране двоило, лагало, но мощности хватало, канал держался, запись шла, гигабайты *живого* укладывались цифровыми штабелями в массив защищённого сервера в Эмиратах.

Славик ждал финала – и дождался. Дверь в комнату вынесла обутая в армейский ботинок нога, шестеро в камуфляже без знаков различия раскидали по углам тела – парню с дилдо в анусе прилетело прикладом китайского калашникова в лицо – и потом money shot, ради чего он всё затеял. Непостижимая чёрная дыра калибра 9х19 посмотрела прямо в камеру и кончила в лицо Славика короткой вспышкой. Финал, оргазм, моментальная смерть, африканский шик. Гонорар можно умножать на два.

Когда изображение пропало, Славик выключил телефон, вынул симку и выбросил её в темноту кенийского шоссе.

6. Чёрная. Коворкинг

Если бы не окна во всю стену, здание коворкинга на окраине парка выглядело бы один в один как сортир при шашлычной на шоссе под Казанью, деревянная обшивка поверх типового каркаса из шлакоблока, матовая металлочерепица цвета сырой печени. А так, с окнами, пряничный домик из андерэйдж-нейро. На этом месте до Перехода была конюшня, за ней чёрный кованый забор и немного подальше смотровая над мостом, где сейчас ходят электрички. Со смотровой открывался вид на закат и на закатный Сити в облаке смога. Я вставила в один из скриптов воспоминание об этом месте. Это моя фишка, вставлять в скрипты свои воспоминания, реальные истории, чтобы потом незнакомые люди под них кончали.

Я была здесь с любовником, даже не любовником, так, случайным мужиком из тиндера. Был такой, тиндер. Мне нравилось, что у мужика кабриолет и усы, рискованное сочетание, но мне нравилось. Мы пили martini из бумажных стаканчиков, потом я пошла под мост пописать, он за мной, хотел посмотреть, и я ему быстро подрочила, прямо там, пока писала, на корточках, задрав юбку, с трусами на лодыжках. Под мостом пахло мочой, мужик повернулся спиной к любителям закатного Сити и кончил за минуту. Я сначала расстроилась, а потом подумала, хорошо, что под мостом, а не в постели и не в кабриолете. Кабриолет был красивый. Закат был красивый. Мартини я не особенно люблю, с этим мужиком мы больше не встречались. Может, там и сейчас такое случается, но только уже не на закате, а по ночам, потому что на закате никому особо не подрочишь. Среднее время прибытия патрульных Комитета семь минут.

Сквозь окно коворкинга бликовала большая эспрессо-машина, как в настоящем баре. Над машиной висел ретропостер с первым послевоенным фем-президентом, слоган *Vote Shulman* и старая афиша *Morgenshtern*. Под потолком после Нового года остался моток белёсого дюралайта, снаружи над дверью мелкая надпись белым по чёрному, коворкинг. И логотип объединённых городских сервисов. Видишь такой, значит, можно смело заходить, внутри точно будет не меньше трёх камер наблюдения. Ну и семь минут, не забывай.

Открыла дверь, зашла.

Некрасиво постаревшая барная стойка из IKEA, кресла-мешки с пенокрошкой возле стены, у стойки рядом с эспрессо-машиной парень, с виду лет двадцать, может, двадцать пять, крупные тупые губы, тестостероновый прыщ на лбу, очки, на футболке надпись *Cycling is my therapy*. На стойке нейромаска, прошлогодняя модель, хорошая, только на групповых сценах немного лагает. Сейчас со скидкой можно купить. Возле бокового окна на барном стуле спиной ко мне ещё один, с виду постарше парня, стучит двумя пальцами по клавишам, спина грустным колесом, свитер с оленями.

Говорю губастому, привет, у вас компьютер свободный есть на час или два? Очень нужно, у меня ноут сломался.

Улыбается, смотрит как на идиотку. Ямки на щеках.

Переспрашивает, в каком смысле компьютер?

Как будто я шприц с героином прошу. Компьютер, любой, мне текст дописать и отправить. Можно планшет.

Говорит, у нас нет гостевых. Не по санитарному протоколу. Бесконтакт же.

Это прекрасно, хорошо, я тоже за бесконтакт, слава протоколу. Но, может быть, на пару часов что-нибудь есть? У меня все сломалось, если текст не отправлю, будет нечем за квартиру платить и есть будет нечего. И потрахаться будет негде, но этого я не сказала.

Улыбается. Ямки. Плечи.

Говорю, ладно. Кофе можно хотя бы?

Берёт бумажный стаканчик и чёрный маркер.

Стоп, давай без этого, хорошо?

Смотрит. Не понимает. Мне, говорит, надо имя написать.

Поставь точку. Не надо имя. Просто точку.

Он погрел кофемолкой, постучал рожком, погудел машиной, протянул мне картонный стаканчик с чёрной точкой на боку. Я села в кресло-мешок с пенокрошкой под постером Morgenshtern.

Спрашивает, что-нибудь ещё хотите?

Я сказала, да, конечно. В первую очередь дом у моря и собаку. Это самое главное. Ещё было бы неплохо кофе нормальный, а то твой жуткая дрянь, просто жижа бурая.

Говорит, знаю, но нам такой привозят. Я здесь просто работаю. Вы же тоже где-то работаете.

Конечно, говорю, я где-то работаю. Morgenshtern, видишь? Я придумала. Не смотри так. Скрипты для него пишу. Порно, если по-старому. Решаю, как там всё у вас будет, при нейроконтакте. На каком диване ты будешь и с кем, что на вас будет надето, сколько раз за сеанс ты кончишь. Я повелительница твоей эрекции, твоего пещеристого тела, госпожа бартолиновых желёз, сверхъестественное кольцо на твоём члене, межгалактический вуманайзер на твоём клиторе, если вдруг окажется, что у тебя клитор. Богиня нейроконтакта. Но сейчас мне нужен работающий компьютер. Не веришь, я понимаю. Я сама не всегда верю, особенно за два часа до фидбэк-сессии.

Улыбается, говорит, кажется, вы нервничаете.

Кто, я? Ну да. Раз уж ты спросил. Потому что, видишь ли, я тебе солгала. Я не настоящая богиня. Ну, может быть, из младшей группы. Повелительница умершей клавиатуры. Надо мной есть совет приёмки, вот они точно боги. У них там исследования, статистика, счётчик уровня дофамина, маркетинговые планы, Morgenshtern, куда они потом всё это загружают, а он тебе выдаёт. Совет точно знает, сколько секса тебе продать, какого и с кем. Если никто не будет покупать совокупления на яхте, я не буду писать сцены совокуплений на яхте. Если в трендах поднимутся овцы, вы вместе с Morgenshtern'ом будете трахать овец, пусть юристы решают с защитниками животных, не моя проблема. Таких, как я, вообще не спрашивают. Мне просто нужно доделать и отправить скрипт, получить немного денег и заплатить завтра за квартиру. Квартира так себе, дрянь, стандартный пенал, но там отличная кровать, я из-за неё эту дыру и выбрала. Вторую такую за те деньги не найти. Дай ноут, а? Любой. Да, я нервничаю.

Жаль ему, говорит.

Разводит руками. Кажется, не врёт.

Ещё, кажется, я вспомнила, что мне напоминает этот коворкинг. Я была в похожем месте, давно, ещё до Перехода. Я и эту историю вставила в скрипт, но приёмка завершила, пришлось перделывать.

7. Инженер. Прототип

Деревянный сарай на краю парка, тропа из каменной крошки, чёрная лужа у входа. Мост через реку грохочет, трясётся, иногда гудит: шестиполосная автострада, рельсы, электричка каждые две минуты. Жидкий кофе. Ни одного посетителя. Последнее место в городе, где к Сети можно подключиться через VPN.

Будет не хватать этой дыры, когда они прогорят и «Старбакс» возьмёт сарай в долгосрочную аренду.

Шейх написал в секрет: первые деньги – в конце недели.

Вовремя. Прототип готов, осталось допилить код, допаять схемы для второй и третьей маски, и можно начинать. Щелчки, вспышки, *присутствие*.

Я назвал устройство Ovum. Яйцеклетка.

Хотел смонтировать излучатели внутри старого мотошлема, но не нашёл подходящего. Сделал внешнюю оболочку из обрезков пластика: старых ведер, тазов, канистр. Прототип вписался в форму овала, божества, яйца. Влез туда головой, сфоткал сбоку, вслепую: огромное смазанное белое пятно. Начало всего. Я сразу решил: так и будет называться. Яйцеклетка. Ovum.

Деньги – в конце недели.

Осталось найти добровольцев. Шейх говорил, пришлёт своего, сталкера, охотника за *живым*. Будут интересные логи, когда яйцо взломает защиту и доберётся до середины луковицы через слои визуальной памяти.

Нужен ещё один.

Вариантов немного. Можно по объявлению, типа парня за стойкой. Дрочер, скейтер, юзер. Маска предпоследней модели, кнопка форсаж-режима на изолейте, ремешок растянут от частого использования. Вещи хранит в подсобке и спит прямо здесь, в сарае, на старом икеевском диване. В детстве угорал по нейроснаффу: гонял смерти в POV-режиме, вселялся в джихади под стёртым в пыль Алеппо, в пожилого саба, удушенного молодым домом-любовником во время оргии. Замедленная речь, переспрашивает, глаза слезятся. Они все такие, других по объявлению не найти.

Можно взять отработанного базового: осколок чистого бессознательного. Никаких личных границ, животная агрессия.

Плохие варианты, оба.

Видел утром патруль возле дома. Скорее всего, совпадение, но к чёрту такие совпадения. Включили мигалку, медленный строб, редкие вспышки синего света. Я стоял рядом с мусорными баками, в кармане паспорт, в другом кармане ключи, кнопочный телефон, как у дворников, киллеров, курьеров. Жёлтый биоразлагаемый мешок с завязками, в мешке картофельная кожура, обрезки проводов, куски печатных плат. Если я в ориентировках, они должны были заметить. Подождал. Сделал вид, что прикуриваю. Уехали.

В Бутовском лесу долго сохнет после дождя, несколько метров глины, если копать вглубь. Налипает на штаны, не отстираешь. Надо было переодеться. Замаскироваться, слиться с пейзажем.

В сарае хлопает входная дверь, звенит китайская игрушка над дверью, шесть стальных трубок на толстой нитке, разделённых фанерной плашкой. Отвратительный дребезжащий звук, хуже только местный кофе.

Женский голос.

Не оборачиваться. Молчать, сидеть. Закрывать лицо рукой.

8. Чёрная. Зеркальные нейроны

«Уровень допуска: 18+, обладатель ежемесячной подписки.

Жанр: погружающая нейросимуляция.

Серия: «Тайные желания».

Локация: Ретропространство для группового подключения (коворкинг), тип: «Интернет-кафе».

Стимуляция обонятельного центра: запах пластика, пота, нагретой пыли, подгоревшего масла и специй из индийского кафе в соседнем подъезде, нота табачного дыма по запросу пользователя, нота мочи по запросу пользователя.

Звуковой фон: пощёлкивание клавиатуры, гул источников бесперебойного питания, ламп дневного света, кишечная перистальтика.

Сеттинг: светлое просторное помещение, напоминающее процедурную, с большими матовыми окнами по одной из стен. Три другие стены покрыты панелями из белого отражающего пластика. Наборный подвесной потолок из квадратных блоков. Вдоль помещения – одинаковые светло-серые пластиковые столы в пять рядов, по три в ряд. На каждом столе – два стандартных рабочих места, клавиатура и монитор. За разными столами – девять мужских нейропроекций. Спортивная и облегающая одежда подчёркивает атлетическое сложение: камера наводит фокус на дельтоиды, трапециевидные мышцы, медиальные головки трицепсов, короткие стрижки, татуировки, металлические браслеты на запястьях.

За крайним угловым столом – нейропроекция клиента.

Ситуационный костюм клиента: часть офисного ретрокостюма, серые шерстяные брюки и жилетка от тройки поверх белой рубашки с закатанными до локтя рукавами. На правой руке над запястьем – татуировка сердца, пронзённого кинжалом. Лицо из библиотеки Morgenshtern, этническая идентичность по запросу пользователя, биологический возраст по запросу пользователя.

Переход через затемнение.

Крупным кадром – экран смартфона, интерфейс программы-мессенджера, всплывающие окна с сообщениями.

...что на тебе надето?

...на тебя кто-нибудь смотрит?

...хочу, чтобы ты потрогал себя

...хочу, чтобы ты сейчас кончил

Камера от лица клиента переходит на клавиатуру: руки клиента набирают в строке браузера адрес порносайта. Переход, на экране монитора скроллится лента с превью двумерных непогружающих порнороликов. Свободный выбор, клик.

<Разместите нормативное предписание здесь>

<Текст предписания>

«Все модели-нейропроекции в предложенной симуляции созданы с использованием обезличенных данных, любое сходство с физическими лицами – субъектами права является случайным и непреднамеренным. Авторы программы предупреждают: сексуальное взаимодействие с любыми физическими лицами – субъектами права возможно только после заключения формализованного согласия. Нарушение этого правила влечёт наказание в соответствии с действующим законодательством. Нажмите „Принять“, чтобы продолжить».

<Текст предписания завершён>

Необходимый элемент: интерактивный блок «Принять». Активация блока возвращает клиента в поток сцены.

Камера показывает выбранный клиентом ролик. Сцена группового секса: фрагменты тел, ритмичные движения, эякуляция крупным кадром.

Камера поворачивается к стене, поверхность стены отражает нейропроекцию клиента: правая рука поднимается от клавиатуры, тянется вниз под крышку стола, к промежности, к молнии на серых шерстяных брюках.

Крупный план: лицо нейропроекции клиента, приоткрытые губы, тяжёлое и быстрое поверхностное дыхание, переходящее в короткий стон.

Пауза, тишина (полторы секунды).

Общий план помещения: мужчины за столами медленно оборачиваются в сторону камеры, смотрят в объектив. Один из них, тот, кто сидит ближе, улыбается (крупные ровные зубы, ямки на покрытых трёхдневной щетиной щеках), произносит в камеру: ну привет, красавчик».

Я застала последнее интернет-кафе, они потом исчезли, стали никому не нужны. Это было давно, за много лет до Перехода, до войны и даже до Эпидемии. Никаких протоколов социального дистанцирования ещё не придумали, не висели повсюду диспенсеры с санитайзером, там даже убирались не часто, одежда липла к столам, пальцы липли к клавиатуре, поверхности были залиты колой, спермой, сладким соком, всем сразу. Историю посещений в таких местах не вели. Я за этим туда и ходила, потеряться среди дроверов и геймеров.

Переписывалась оттуда с мальчиком. Я могла делать это откуда угодно, но мне нравилось оттуда. Это было как смотреть порно с телефона в метро в час пик, как мокрый поцелуй в вонючем туннеле под Курским вокзалом. Набирала ему на липкой клавиатуре: ты красивый, хочу тебя трахнуть.

Мне нравилось, как он стонет, когда я сажусь ему на лицо. Он просил придушить его немного, он так говорил, придуши меня немного, а я не сдерживалась особо, душила его все-рьёз, он выныривал из-под меня, набирал воздуха, у него слёзы текли из глаз. Я брала его за волосы, тогда все так носили, выбритый затылок, а спереди длинно, ему не шло, зато мне было удобно, снова садилась ему на лицо, он стонал из-под меня, весна, май, липкие листочки, как залитые колой, спермой, сладким соком, всем сразу. У него обгорела шея под городским солнцем, красное ожерелье обожжённой кожи. Как на головке члена. Я писала ему, ты похож на гигантский член. Я писала ему, я вижу, как на тебя смотрят, мужчины, женщины, все. Ты похож на гигантский член. Ты красивый. Хочу тебя трахнуть. Хочу сесть тебе на лицо. Ничего больше не хочу.

Из индийского ресторана в соседнем подъезде пахло куркумой, возле круглого павильона метро пахло мочой, там жил бездомный, спал за ремонтной оградой, днём просил мелочь, вечером его забирали менты, потом отпускали, и он возвращался за ограду, потом менты перестали его забирать. Бездомный исчез, мальчик тоже, провалился в пустоту, во время.

Студийные из совета приёмки почитали, обсудили, попросили всё переделать. Проекции недостаточно идеальные. Не хватает wow-эффекта. Люди с Wi-Fi-чипами в шее никогда не поймут, что такое интернет-кафе. Я переделала, и переделывала ещё пять раз, пока меня не вызвала генеральная лично. Спросила, ты вообще понимаешь, как работает порно? Конечно, я ей ответила, что тут сложного-то? Она сказала, глупости какие. Сказала, запомни, а лучше запиши. Каждый клиент и каждая клиентесса, любая женщина, любой мужчина, задроты, *officière*, богатые, бедные, старые, молодые, неважно какие, хотят одного, стать объектом. Куклой, куском мяса, кем бы он или она ни были. Оказаться в эпизоде gang bang, под доминантной альфой, с его членом внутри, с головой у неё между ног. Это закон природы, так устроен мозг, так работает возбуждение, зеркальные нейроны, эмпатия, чем жёстче сцена, тем больше гормонов в крови. Это главная ловушка. Всё остальное просто побочный продукт

цензуры каналов и местного законодательства. Поэтому делать будем, как я скажу, никакой романтики, только порево, групповые эпизоды. Ты записала?

Я сказала, да, я записала.

9. Диана. Легче кевлара

Что бы ни стало последней каплей – урезанный бюджет на спецоперации, досье Шейха, выросшее на ещё одну папку с фотографиями *тел*, точка в календаре, отметившая три года наблюдений за апартаментами в Бурдж-Халифе через объектив дрона, – в сентябре Диана решила действовать в одиночку. Нет достаточных доказательств, значит, она сама станет доказательством, превратится в наживку, в нелегальный живой товар. Выманит Шейха из апартаментов на восьмидесятом этаже – и покончит с ним навсегда.

Она взяла недельный отпуск, построила маршрут: в Стамбульскую буферную зону, оттуда в Касабланку, из Касабланки в Марракеш и, наконец, в Дубай. Оторваться от наблюдения Диана рассчитывала уже в Стамбуле, а превратиться в бесправное *тело* и влиться в поток человеческого трафика – в одном из риадов Марракеша, перевалочном пункте для живого товара.

Ночной аэропорт Касабланки выглядел бесконечным грязным ангаром – ворота в старый мир. Патриархат в Африке не дрогнул, Переход остался новостью в ленте новостей с других континентов.

На полу у колонны в полупустом зале ожидания сидели женщины в чёрных бурках, похожие на пухлые мешки с затянутыми плотной сеткой прорезями для глаз. Вокруг по периметру стояли шестеро мужчин. Под лёгкой тканью белых джалабий просвечивали нижние рубашки с короткими рукавами. Если редкий ночной пассажир подходил слишком близко, один из мужчин делал шаг ему навстречу, вытягивал руку ладонью вперёд, охранял *собственность*, как овчарка стадо овец.

На стальных креслах ждали рейса в Киншасу двенадцать монахинь-кармелиток: рядом с женщинами в бурках их чёрные рясы выглядели нарядами нейропроекций из последнего апдейта Morgenshtern.

В Марракеше Диана отстояла в аэропорту две очереди: одну на паспортный контроль и вторую на таможенную, где получила багаж – чёрный чемодан, как будто тоже одетый в бурку.

Такси из аэропорта – китайская реплика лондонского кэба – жёстко лупило разбитой подвеской по ухабам дороги. Из треснувшей поперёк обшивки сиденья торчал жёлтый поролон, ремень безопасности с одной стороны был обрезан. Ехали вдоль мусорных обочин, по красной пустыне, утыканной чахлыми пальмами. Татуировку Сестёр – крошечную розовую букву А. на шее – Диана закрыла розовым шарфом. Таксист-бербер поглядывал в зеркало заднего вида, раздевал её жирным взглядом, причмокивал губами, сосал невидимый леденец.

Остановились на улице рядом с рынком: возле повозки с бледно-зелёными кочанами капусты ишак бил себя хвостом по выступающим рёбрам, отгонял мух. Берберы в горных деревнях Атласа пользовали ослиц – конечно, она знала об этом, и таксист об этом знал.

Возле красных стен медины на устланной кусками картона дорожной пыли сидели и лежали люди. Рваная одежда, розовые лишайные пятна на голых головах. Диана свернула в узкий проход между домами, нашла дверь. Вывески не было, только зелёный ромб с логотипом туристического сайта и надписью по-арабски. Высокий пухлый парень с волосатой грудью в разрезе глубоко расстёгнутой рубашки написал ей на клочке бумаги цену, накинул сверху две сотни дирхамов. Заплатила молча. Пухлый проводил её в номер, крошечную комнату с двумя окнами: одно на улицу, второе в узкий, выложенный зелёной и синей плиткой колодец риада с пересохшим фонтанчиком и пальмами в горшках. Постоял в проёме резной двери, дождался

ещё пятидесяти дирхамов. Она будет платить за каждый шаг. Пухлый хотя бы не причмокивал, как таксист, таким нужны только деньги, с ними проще.

Когда парень ушёл, закинула на кровать чемодан, посмотрела на себя в зеркало: розовый обтягивающий топ, узкие джинсы, белые кроссовки, как будто приехала сюда прямиком из столичного кафе, – затем достала из чемодана тяжёлый объёмный свёрток. Сорвала упаковку и разложила на покрывале чёрный никаб, пустой и чужой, снятая с мертвеца кожа.

Officière Комитета Сестёр, защитница справедливости, фурия Перехода – этой оболочке пришла пора исчезнуть, как устаревшему контейнеру Morgenshtern'a.

Она проверила дверь, подошла к окну на улицу – через узкий переулок в красно-коричневой стене дома за открытыми ставнями виднелась комната с трёхъярусной кроватью. На среднем ярусе вровень с подоконником спал, вытянув в окно босую ногу, человек. Нога была толстой и жёлтой, масляно поблёскивала. Диана закрыла ставни, сняла джинсы и топ, надела на бельё абайю, начала повязывать никаб. С улицы раздавались мужские голоса, они спорили о чём-то по-арабски, сперва двое, затем к ним присоединились ещё двое – все четверо громко говорили, сразу, наперебой.

Дома камеры и дроны уже передавали бы картинку с улицы на мониторы Комитета, фиксировали нарушение режима. Через семь минут патруль Сестёр проверял бы у всех четверых ДНК-паспорта.

Прошёл, медленно и грузно, человек в коридоре – постоял с минуту возле двери в её номер, снова тяжело заскрипел полом и глухо пошагал вниз по чугунной лестнице.

Единственная часть её плана, изначально ей не до конца понятная, – как она будет выглядеть в *этом*? Как чёрный мешок? Как два мешка, поставленные один на другой? Почти неуместный вопрос, учитывая риски и возможный исход миссии. Она, конечно, примеряла *это* дома, но там всё было не всерьёз, так, игра с переодеваниями.

Диана закончила с никабом, отступила на два шага от зеркала, осмотрела себя в полный рост.

Жёлтая рама из верблюжьей кости. Жестяное кружево под старое серебро. Тусклое стекло с потёртой амальгамой. Чёрная абайя. Чёрный никаб закрывает лицо. Узкая прорезь для глаз. Чёрная фигура без индивидуальных черт, непроницаемая, не привлекающая внимания. Призрак. Тень человека. Объект, вещь. Чья-то собственность.

Ни один патруль Комитета, ни один дрон не защитил бы её лучше, чем эта чёрная ткань. Прочнее броневой стали, легче кевлара.

Мужские голоса под окном устремились прочь и долго ещё перекрикивали друг друга, растворяясь постепенно в ровном гуле медины.

10. Чёрная. Ретропластик

Кофе в бумажном стаканчике с чёрной точкой остывал, дедлайн наваливался бэд-трипом, я пролетала мимо денег. На премию за июльский апдейт алкаш из приёмки купил новую тачку, но я не в доле, мне платят только за утверждённый скрипт. Я знала, что произойдёт дальше. Генеральная посмотрит на часы, сожмёт рот сфинктером, продакшен-зануда напишет обоснование, почему без скрипта они не успеют запустить серию, моё имя вычеркнут из титров и гонорарной таблицы, студия скормит мои тексты нейронке, через неделю она начнёт писать так, что не отличишь. Нейронка не будет, конечно, вставлять истории из прошлой жизни, но их всё равно постоянно заворачивают. Разницы никто не заметит. Домик у моря вспыхнет от брошенной спички, от короткого замыкания в блоке питания старого ноута, растворится в тумане несбывшегося будущего. Я останусь заложницей съёмной квартиры-пенала и чужой кровати под нелепой хрустальной люстрой.

Неделю назад мне предлагали писать почтовые рассылки для стирального порошка, я не стала отвечать, решила, пока всё не так плохо. Сейчас думаю, зря отказалась. Считаю в уме, сколько там осталось, на карточке. На что я рассчитывала. На что я рассчитывала.

Человек в свитере с оленями на барном стуле возле бокового окна, безымянный свидетель моей неудачи, я обязательно вставляю тебя в следующий скрипт, если, конечно, напишу свой следующий скрипт, и ты станешь одной из моих проекций, безымянным участником оргии, или, если очень повезёт, вариантом Morgenshtern'a из новой серии Жадных глоток пустыни. Ты уже прописался в моей голове, твои данные и внешние детали зарегистрированы и внесены в каталог персонажей, твой старый свитер под стать потёртой мебели из IKEA, локоть на столе, лицо в левой ладони. Я вижу из-за твоего плеча ноут, антикварный белый макбук, ретропластик, такие не делают уже лет пятьдесят, где ты его взял? Есть ребята, я их знаю, отдадут за этот хлам больше, чем я не получу завтра. На твоих ногах рыжие стоптанные тимберы, третий или четвёртый сезон, подошва скошена, каблук стёсан наполовину. Твои джинсы снизу забрызганы грязью, грязь старая, засохшая, последний раз дождь шёл неделю назад, в городе сухо и пыльно, хотя на Тёмных территориях грязи хватает в любую погоду. Я мысленно произношу эти слова, останавливаюсь и переспрашиваю себя, что? Тёмные территории? Ну да, Тёмные территории, что такого, может, ты из надзора, или мусорщик, или вообще такой же, как я, из наших, из кастинг-группы, на пожизненной удалёнке, едешь в командировки раз в месяц, а так, ну, сидишь в коворкинге, пьёшь жидкий кофе, мало ли. Может, ты из тех, кто грустит по временам до Перехода, по запахам опенспейса, по звукам из желудка соседа, переваривающего корпоративный обед, всем привет, всем пока, всем хороших выходных, немного порно вечером в пятницу за счёт компании.

Мне всегда нравилась мысль, что я пишу для кого-то вроде Morgenshtern'a, для идеального создания, тысячеликого героя, но это ложь, это не так, на самом деле вся индустрия работает на таких вот постаревших ботаников в стоптанных тимберах, это грустно, но это правда, а Morgenshtern не существует в реальности и ни за что не платит. В этом главная проблема, Morgenshtern ни за что не платит.

Был у меня дружок, давно, в тёмные годы, между Эпидемией и Переходом. Инженер, биотехнолог, нейрохакер, ботаник, кем он только не был. Тоже носил стоптанные ботинки и грязные штаны, всегда, в любую погоду. Мне казалось тогда, это его главный недостаток, может быть даже единственный, можно не обращать внимания. Побочный эффект походки, он

подкидывал ноги на ходу, как будто ему пятки жгло или как будто боялся прилипнуть к грязи или асфальту, и грязь подлетала в такт моторике, липла к штанам. Тоже любил ретропластик, старые ноуты, часы, отсчитывавшие древнее время, пожелтевшую посуду, винтажную мебель из IKEA. Это была его идея фикс, пользоваться только вещами старше двадцати лет. Он говорил, это как двигаться назад во времени, потому что можно вперёд, а можно назад, и это равнозначно, одно не хуже и не лучше другого. Говорил, за двадцать лет жизнь обновляется, радикальный дизайн становится ископаемым повседневности, маркером антропоценного слоя, на вещи старше двадцати лет люди оборачиваются на улице. Эти предметы, говорил, вызывают приятную грусть, сентиментальную *tristesse*, двадцать лет назад люди именно так представляли себе идеальный быт, идеальную жизнь, готовились состариться в этом антураже, но не сбылось, осталась только память, а всё неудобное, острые углы и залипающие кнопки, всё забылось, растворилось в прошлом.

Двадцать лет назад, во время большого локдауна, мы с ним сделали первое нейро для первого прототипа Morgenshtern. Его самый большой заказ за всю жизнь и, кажется, последний. Студийные тогда на него сами вышли, кто-то из знакомых посоветовал. Другой бы озолотился, но не мой дружок, я иногда думала, он вообще не понимает, что такое деньги и для чего они нужны.

Он перепаял на кухне списанный из больницы транскраниальный стимулятор, усилил излучатели и написал софт для декодера, так он мне объяснил, звучало одновременно просто и непонятно, я не вдавалась в подробности, меня беспокоила нейродостоверность переживаний. Чтобы оргазм был похож на настоящий, если по-старому. Первый нормальный трек получилось записать после двадцатого дубля. Мы закрылись на три недели ото всех в его квартире рядом с тремя вокзалами, на Спасской, не выходили дальше мусорных баков, это было просто, тогда весь город не выходил, кроме курьеров. Трахались с клеммами на голове, записывали альфа-волны, или что там. У нас сгорала еда на плите, погибали кастрюли и сковородки, кофе остывал и покрывался плёнкой. Первый раз в жизни трахалась ради науки, мне понравилось, сохраняли всё на обычный HD-диск.

До нас никто не называл передачу декодированных записанных эмоций через переделанный транскраниальный стимулятор словом «нейро». И слова «ретропластик» не было. Я придумала. Файл с треками наших оргазмов я переименовала в morgenshtern, в шутку, а студийным понравилось.

Все слова придумала я, как обычно. Кроме слова *базовые*. Их так стали называть после войны и Перехода, остатки раздолбанной патриархальной армии, орков, военных преступников, убийц, любого с доказанным эпизодом секса без авторизованного согласия. Базовые, потому что их сбросили к базовым настройкам, выселили из городов в резервации, на Тёмные территории, без электричества и водопровода. Их, базовых, потом начали использовать как сердечники для нейро, записывали работу мозга во время оргазмов под сильными стимуляторами, упаковывали запись в симуляцию, продавали по подписке. Стопроцентная достоверность переживаний. Обычное порно, если по-старому, исчезло с рынка на второй месяц продаж.

Ретропластик я потом возненавидела, особенно старую посуду.

Грязь на штанах ему прощала до последнего, а жёлтые пластиковые тарелки нет. Орала, выброси это дерьмо, мерзость, видеть не могу, выбирай, я или они.

Он не мог выбрать, и я выбрала сама, ушла от него и ни о чём не пожалела, ни разу.

Я слышала потом, через несколько лет, что со студии его выгнали, и все права на Morgenshtern'a он потерял, не удивилась ни капли тогда.

Я смотрю на парня в свитере с оленями, я думаю, вот будет номер, если он сейчас обернётся.

А он, а он убирает от лица левую руку и медленно поворачивается ко мне, как будто это режиссёрский приём, как будто в скрипте написано усилить драму, и её усиливают. Как будто разряд в мозг через нейромаску, я вижу его лицо, он улыбается, делает вот так рукой и говорит, привет, я тебя сразу заметил, но нужно было кое-что закончить, дедлайн, сама понимаешь.

Дедлайн у него.

Говорю, ну привет.

11. Инженер. Активация резервной копии

В сарае хлопает входная дверь и сквозь отвратительный перезвон китайской игрушки звучит женский голос.

Я узнал её со второй фразы. Сколько лет прошло, двадцать?

Чёрная Точка.

Двадцать лет назад она не любила своё имя. Запрещала мне его произносить. У нас была игра: никаких имён. Про себя я называл её Чёрная. Чёрная Точка.

Она носила всегда одно и то же: чёрное, оверсайз, с рваными краями. Пряталась в слоях обманок. Исчезала, уходила в чёрную точку.

Я записывал её на телефон, айпад, горго. На всё, что могло записывать. Терабайты Чёрной Точки.

Она закрывалась от объектива. Пряталась, уворачивалась. Зачем, убери, не надо.

Я говорил: ты же всё равно рано или поздно уйдёшь, тебе надоест эта игра, а как мне работать без материала? Злилась: тебе это от меня нужно? Материал? Да, говорил ей, конечно. *Это*. Ты потом поймёшь, позже, когда меня уже не будет, когда ничего не будет, потерпи. Она швыряла в меня посуду, подушки, вибратор.

Я хорошо помню день, когда мы расстались.

Мы не виделись неделю. Она вернулась из Турции, с побережья, там сейчас буферная зона, а тогда ничего такого ещё не было, просто курорт, отели. Открыла дверь своим ключом, повесила его в прихожей на крючок для одежды, вошла на кухню, села напротив меня. Длинная чёрная юбка, чёрные конверсы, тонкая серебряная цепочка вокруг щиколотки.

Я сразу понял, как только увидел эту цепочку: всё произойдёт сегодня, сейчас. Ещё минут десять, пятнадцать, полчаса – щёлкнет замок, она спустится вниз, и версия реальности, где мы вместе, завершится, схлопнется, отключится от сервера.

– Что это?

– Где? А, это.

Я ещё держал перед собой камеру, но для неё уже не существовал.

– Выключи, – сказала она.

– Почему?

– Потому что. Я ухожу.

Я спросил её:

– Белая полоска от купальника? На косточке, сбоку? Там, где кожа не загорела? Осталась у тебя такая?

Я думал об этой полоске, когда она была в Турции, когда сидела на чужом лице, застёгивала вокруг щиколотки цепочку – купила на деревенском базаре, или он ей купил, или они вместе, когда поехали в город. Я представлял эту полоску, как она светится на её коже в сумерках спальни, на чёрном постельном белье. Как стрелка дорожного указателя – вниз и ещё раз вниз, между бёдер. Идеальный раздражитель, портал в чистую эмоцию. Она улыбнулась.

– Да, осталась.

Я выключил камеру.

– Спасибо.

– За что?

– За три недели взаперти с тобой в этой квартире, за терабайты видео на облаке. За то, что теперь от тебя останется только память, структура синапсов, несколько часов архивных

записей. За возможность оживить эти воспоминания, вытащить их из моей головы, получить полный контроль над своим прошлым, над твоим прошлым. Активировать резервную копию. Откатить назад – до этой серебряной цепочки. Доказать, что во времени можно двигаться в двух направлениях: можно вперёд, а можно назад, и это равнозначно. Одно не хуже и не лучше другого.

Ничего из этого я ей не сказал.

Ответил: хоть поработаю спокойно, закрою контракт.

Она ушла, её ключ остался висеть в прихожей.

Год спустя я переделал транскраниальный излучатель больничного стимулятора – теперь он был размером с сигаретную пачку и помещался в обычную VR-маску. Декодер нейроволн занимал ещё меньше места, но я заменил его Wi-Fi-модулем: модуль не так сильно грелся, а вместо декодера я подключил ноут, получилось мощнее и быстрее. Клеммы я укрепил на лямке ремня и в верхней части поролонового бортика маски. Чтобы совместить стимуляцию с видеорядом, мне понадобилось две ночи и бесплатная программа для видеомонтажа.

Технически невозможно помнить тот день лучше, чем помню его я.

Я закончил монтировать видео под утро.

Разогрел лапшу в пластиковом контейнере, перелил в чашку, выпил.

Надвинул на глаза маску – она выглядела как обычная маска виртуальной реальности, корпус из дешёвого пластика, эластичный ремешок, два разъёма – для питания и для карты памяти. Вся разница была только в клеммах.

Запустил трек стимуляции.

Щелчок, радужная рябь, как в сломанном сканере.

Чёрная Точка входит в моё сознание, как тогда на мою кухню, садится напротив.

Я вынырнул оттуда через час – сбил с себя маску, сидел, дышал ртом, ждал, когда успокоится пульс. Часы на руке пищали, горели красным ещё пять минут. Потом – жёлтым, потом зелёным. Сперма засыхала на животе, стягивала кожу. Изнанка маски светилась на грязном полу, Чёрная Точка кончала внутри маски, белел след от купальника у неё на косточке, в кухне пахло растворимой лапшой, за окном низкие облака висели над чёрной крышей банка на проспекте, сквозь дыры в облаках даже было видно солнце, несколько розоватых лучей.

Я пошёл в душ, стоял под водой, орал в стену.

Я сделал это. Сделал. Контроль над прошлым. Вот он.

Но были, конечно, нюансы.

12. Славик. Шариат-эфир

Кафе на нулевом уровне «Дубай-молла» похоже на заблудившуюся в пространстве вертолётную площадку – круглое возвышение посреди огромного торгового центра, вместилища всей роскоши мира.

Из-за столика кафе Славик видит женщин в никабах, они текут вдоль молла живой чёрной рекой, по двое, по трое, семьями: впереди мужчина в белой джалабии, затем дети в разноцветной одежде, позади них – женщины в чёрном.

Они ходят по моллу весь день, с раннего утра. Если прикрыть глаза и посмотреть сквозь ресницы, витрины бутиков сольются в неразличимый песочный фон, а стеклянный потолок будет не отличить от выгоревшего арабийского неба – и тогда медленно и неостановимо плывущие по бесконечному моллу женщины станут похожи на чёрные клубы над горящими нефтяными полями в провинции Дайр-эз-Заур, на чёрные флаги над Алеппо, на дым из труб мобильных крематориев под Ростовом.

Женщины в чёрном идут от дверей к дверям, соединяют нитью чёрной реки парфюмерные бутики и салоны нижнего белья, ювелирные магазины и косметические корнеры. Это их главная работа: примерять, присматриваться, пробовать, покупать, платить – посредницы между деньгами и товаром, деньгами и нефтью, ради них и для них существует этот молл, этот город, это государство, эта часть вселенной.

Копеечная кнопочная «Нокия» на столике дёргается вибросигналом. Славик читает СМС: «Человек придёт через 5».

Через пять значит через пять.

На микрокарте в кармане Славика – ключ доступа к облаку, где хранится восемь часов *живого*, 3D-секс с настоящими телами, ни в одном бутике «Дубай-молла» такого не найдёшь. Человек придёт через пять – и отведёт Славика к покупателю. Славик передаст ключ, покупатель законнектится в облако, проверит качество товара, подтвердит транзакцию, и всё закончится (в Тай отсюда, прямым рейсом, на следующий день), а вечером Славика привезут в отель, где его будет ждать настоящая женщина. Здесь так принято благодарить за работу, Славик не возражает. В прошлый раз была беженка из Таджикистана, говорила по-русски, они так и проговорили до трёх ночи – рассказала ему всю свою жизнь, потом он заснул.

На панорамном экране над стойкой кафе идёт прямая трансляция: квадратная площадь перед мечетью, пальмы, толпа между пальмами, в центре площади – сколоченная из брёвен конструкция, похожая на плотничьи козлы. Рядом с козлами высокий человек в чёрном балахоне с кривой саблей в руках, сабля выглядит NFT-артефактом из компьютерной игры. К козлам привязан другой человек, замотанный в белое покрывало, правая рука выпростана наружу и лежит на деревянной колоде. Человек в белом часто и глубоко дышит – панорамный экран хорошо передаёт игру теней на ткани. Через несколько секунд человек в чёрном исполнит в прямом эфире приговор шариатского суда – отрубит человеку в белом правую руку.

Нейро в Эмиратах под запретом. В Дубае не встретить яркие постеры и фирменные магазины Morgenshtern. Согласно законам шариата, смотреть нейро, испытывать чужие эмоции, чужое возбуждение и записанный оргазм – колдовство. За колдовство рубят не руки, а головы, обезглавленные тела распинают на косых деревянных крестах и выставляют на площадях в назидание другим. Вместо нейро в Эмиратах используют живых людей – это можно.

Самолёты с *телами* прилетают на вечеринки шейхов. Десятки, сотни *тел*. Реальность в Эмиратах сделана из мяса и костей – и пахнет нефтью.

Живое в Эмиратах тоже вне закона, но с ним не так строго, как с нейро. За содержимое облачного диска Славик рискует получить триста ударов плетью, их могут растянуть на полгода или на год, смотря как быстро будут заживать раны. Всё ради того, чтобы полторы сотни анонимных пользователей в Берлине, Сиднее, Токио и Нью-Йорке могли ускользнуть ненадолго от всевидящих дронов Комитета Сестёр и подрочить на что-то кроме Morgenshtern'a со встро-енным нормативным предписанием о согласии. Ради удовольствия этих пользователей Сла-вик месяцами гоняет по Африке, ищет в барах *тела*, привозит их в дома на окраинах, куда не забредают туристы и где мало полиции, поит их армейским амфетамином, разведённым в горячем апельсиновом соке, и записывает на 3D-камеру часы *живого* под лай собачьих стай на улице и гул вонючего кондиционера в углу.

Через два столика от Славика сидит мужчина в похожей на простыню белой джалабии, как из парилки вышел. Перед ним четыре смартфона башенкой, он по очереди проверяет каж-дый. Проходит минута, две, мужчина поднимает от смартфонов покрытую платком-гутрой голову, отодвигает чашку с недопитым капучино, поднимается из-за столика, идёт к лесенке, спускающейся с вертолётной площадки кафе. Проходя мимо Славика, трижды похлопывает его по плечу, быстро и незаметно – просторная джалабия скрывает движения. *Человек*. Он спускается по лесенке и плывёт вглубь «Дубай-молла» между чёрных фигур в никабах.

Славик встаёт и идёт следом, в десяти шагах позади.

Им нужно пройти всего триста метров по кондиционированному пространству «Дубай-молла», между женщинами в чёрном. Они даже не выйдут под убийственное аравийское солнце, в пятидесятиградусную жару. Через триста метров, возле лифтов, они пересекут невидимую границу. Там не будет ни солдат, ни таможенников, ни демаркационных столбов, но эта граница круче, чем Стена с пулемётными вышками, выстроенная перед войной вдоль кольце-вой.

По эту сторону границы – публичная часть города. В этот мир открыт доступ туристам, приезжим рабочим, женщинам в брюках. Здесь шумно, тесно, здесь есть метро, автобусные остановки с кондиционерами, набережные, веранды ресторанов. Здесь дорого и безопасно. Вместо африканских тук-туков здесь ездят «феррари» и «ламборгини», а вместо запаха тле-ющего мусорного бака в воздухе висит смесь селективных парфюмов. Трансляции шариат-ских казней надёжно защищают жителей этой части мира от мелких преступлений против соб-ственности, здесь никто не станет вырывать из рук туриста дорогой фотоаппарат или сумку из последней коллекции *Balenciaga*.

По другую сторону границы толстые ковры на полу и высокотехнологичные обои погло-щают лишние звуки, при желании – вообще все звуки. По другую сторону границы можно резать человека ржавой пилой, и крики утонут в нановорсе. По ту сторону границы умный пластик, невидимые камеры и кибернетические евнухи Boston Dynamics защищают личную жизнь обитателей непостижимо дорогих апартаментов и от стражей шариата, и от далёких вез-десущих Сестёр.

Славик точно знает, где именно его ждёт покупатель, знает, куда ему идти, на какой этаж, в какую часть башни. Ритуал с *человеком* нужен только затем, чтобы Славик не забывал, кто он такой – продавец нелегальных удовольствий в мире, где людям рубят руки в прямом эфире.

Славик идёт вдоль ледяного пространства «Дубай-молла», мимо кофеен, мимо туристов в шортах, ловящих бесплатный вайфай возле дверей Apple-стора.

У фонтанчика размером с джакузи две женщины в крошечных, обрезанных снизу футболках (ещё минус сантиметр – и на них обрушится вся строгость шариата) делают селфи, надувают губы. Славик смотрит боковым зрением, вспоминает таджикскую беженку. Хорошо тогда поговорили, и выпался хорошо.

13. Чёрная. Сложное чувство

Селена, он говорит.

Что, спрашиваю, в каком смысле?

Он говорит, люстра твоя так называется, Селена, узнал её. Германия, начало нулевых, хрусталь, металл. Хорошая вещь. Старая.

Сам ты, говорю, старая вещь.

Ухмыляется, ну да, ретропластик.

Я заканчиваю текст, нажимаю на его белом ретроноуте Enter. Отправить. Иконка совета приёмки в рабочем чате светится зелёным, успела. Спасибо, говорю, за ноут, не умру теперь с голоду. Мне ответят, конечно, что надо бы поидеальнее, добавить wow-эффекта, но я привыкла. Добавлю. Сделаю поидеальнее.

Что, говорит, каждый раз одно и то же, да?

Поворачиваюсь к нему, он лежит на кровати, и животик у него нависает над членом, желтовато-розовый, тощий и одновременно рыхлый.

Спрашиваю, сколько мы не виделись, двадцать лет?

Он говорит, да, ровно двадцать, ты ушла за год до Перехода. Вообще не изменилась с тех пор. Даже одеваешься так же. Видел, говорит, в Стамбуле одно место, там весь шмот в твоём стиле, края неровные, нитки торчат, и размер непонятно какой. Знал бы, что встретимся, привёз бы тебе оттуда хоть платок, там такие платки были, как у тебя тогда. А домик у моря? Ты хотела домик у моря. Получилось?

Думаю, ого, в Стамбуле, а штаны в глине, как будто он с Тёмных только что.

Говорю, нет, не получилось. Спрашиваю, а у тебя что? Как у тебя дела? Ну кроме того, что ты всё в жизни проебал, но этого я не сказала.

Он говорит, в целом ничего нового, и это главная проблема.

Думаю про себя, да ладно главная, у тебя наверняка каждый месяц что-то новое. Волосы, зубы, диабет. Что там ещё у вас после пятидесяти?

Он говорит, я раньше не понимал, в чём дело, пока не посмотрел старое порно.

Ну, говорю, начинается.

Подожди, говорит, послушай. Старое двухмерное порно. Я подумал, когда смотрел, эти актрисы, они же на пенсию давно вышли или вообще умерли уже, а у меня на них даже встал. На мёртвых порноактрис. Сложное чувство. С одной стороны, хорошо, приятно, с другой, как будто всё решено за меня, и ничего нового, неожиданного со мной уже не произойдёт, а потом я тоже умру и попаду в такое вот старое двухмерное порно, в их бесконечный гэнгбэнг. Понимаешь?

Говорю, не особо, но вообще перспектива не самая плохая, если ты меня спросишь.

Говорит, подожди. Получается, что меня в этой схеме как будто и нет. Есть мои старые поисковые запросы, есть чеки из магазинов, подписки в ютубе, медицинские записи, видео с камер наблюдения, нейро в маске Morgenshtern, мёртвые порноактрисы, и, в общем-то, всё. И это вся моя жизнь. Ничего нового.

Кто, говорит, решил, что так и должно быть? Кто решил, что это я? Не помню, чтобы отмечал такой чек-бокс где-то. А если даже и отметил, то почему мне от этой мысли так грустно? Почему я от неё чувствую себя таким несчастным?

Может быть, говорит, я вообще не такой, может быть, я совсем другой, и ты совсем другая. Ты же не об этом мечтала, не сидеть в этой дыре под люстрой. Не скрипты писать. Но сидишь, пишешь.

Да, говорю, сажу, пишу. Не расстраивай меня. Мне от этого не по себе.

Он на кровати подскочил, вот, вот, я об этом, не по себе. Это как замкнутый круг, пузырь. И мы плаваем в его центре и смотрим, как вокруг нас вращается всё, что с нами уже было, мёртвые порноактрисы, выдача Morgenshtern'a, выпадающие волосы, скрипты, люстры, и нам не по себе от этого, потому что *всё не то*. Мы сначала ждём, что появится *то*, а потом ждём, чтобы всё уже поскорее закончилось. Знаешь, говорит, я стал замечать с возрастом, как становлюсь похож лицом на своего отца, меня это сперва пугало, я даже хотел пластику сделать. Не сделал, потому что можно поменять нос, скулы, подбородок, цвет глаз, но куда я дену этих мёртвых порноактрис? Мы живём в очень узком диапазоне, от и до. Можно, говорит, комбинировать параметры, как в Morgenshtern'е, но даже эти комбинации предопределены. Если бы мы вышли за пределы этой предопределённости, то узнали бы, что мы, возможно, другие. Возможно, вообще не те, кем привыкли себя считать. Может быть, мы даже счастливые люди в одной из версий реальности.

Я сижу возле стола из ДСП (пятно от сигареты, пятно от вчерашнего кофе, белый ретро-пластик макбука), он лежит голый на моей простыне. Мы виделись последний раз двадцать лет назад, и вот он снова здесь, под люстрой Селена, как будто и не расставались, просто заснули на двадцать лет и бац! Проснулись.

Сложное чувство, да.

Говорю ему, с другой стороны, не всем хочется знать, что они не те, кем привыкли себя считать. Большинству нужно просто расслабиться вечером, понимаешь? Немного Morgenshtern'a перед сном.

Вздыхает, понимаю, конечно.

Спрашивает меня, а почему ты до сих пор сама скрипты пишешь? Как получилось, что ты не продюсер, не директор студии? Ты же всё это начала. Мы с тобой всё это начали.

14. Славик. Бурдж-Халифа

Через поляризованные окна оранжевый арабийский закат заливает апартаменты на восьмидесятом этаже Бурдж-Халифы.

У дальней стены гостиной на алом кожаном диване сидит мужчина в белой джалабии. Лицом он похож на мёртвого актёра Джеймса Белуши. Перед мужчиной на стеклянном столике – высокий стеклянный кальян, раскрытый ноутбук и VR-маска, по форме неотличимая от горнолыжных очков, с глухой чёрной панелью вместо линзы и небольшим плоским отверстием сбоку.

Славик у окна смотрит вниз, на город, на пустыню, на размытый от жары горизонт.

– Люблю этот вид. Скучал по нему. Как галлюцинация. Конструктор. Лего на полу. В Африке такого нет.

Мужчина с лицом Джеймса Белуши тянет кальян, выпускает через нос сладкий тяжёлый дым.

– Никогда не понимал, что ты в нём находишь.

– Ты на смотровой был хоть раз?

– Здесь, на башне? Нет, конечно. Там одни туристы. Я вообще из апартаментов редко выхожу. Зачем?

– Ну так. Для контакта с реальностью.

– Это не реальность. Ты хорошо сказал: конструктор, лего на полу. Эта башня – мираж. В этом месте сто лет назад ничего не было, кроме пустыни. Верблюды ходили. Здесь из реальности только нефть, а её почти не осталось, и даже то, что осталось, почти никому не нужно. Когда она закончится совсем, здесь снова будет...

– Пустыня.

– И верблюды. Для контакта с реальностью у меня есть ты. Как всё в Африке прошло?

Славик подходит к столу, садится в алое кресло напротив дивана.

– Переворот у них, ты в курсе?

Мужчина на диване булькает кальяном.

– Только денег не проси.

– Почему? Форс-мажор же.

– Твой пилот на меня работал. Тебе повезло, что успел в аэропорт раньше военных. Технически я тебе гонорар уже увеличил. Считаю, ты из него эвакуацию оплатил.

Мужчина в белом выпускает густое облако дыма.

– Черновой монтаж, восемь часов. – Славик достаёт из кармана карту с ключом (триста ударов плетью), щелчком ногтя запускает её по стеклянной поверхности стола. – Финал реально бомба. На ускоренном укачивает, предупреждаю.

Карта с тихим стуком упирается в VR-маску.

Шейх пристраивает кальянный мундштук на золотую подставку в форме женской руки, запускает ключ и привычным быстрым движением надевает маску, как будто ныряет в неё, ухватисто подтянув ремешок на затылке. В следующую секунду он откидывается на алую спинку дивана, раскидывает руки в стороны, расставляет колени.

В следующие полтора часа Шейх урчит животом, сопит заросшим чёрной шерстью носом, поверхность белой джалабии между его бёдер поднимается похожим на гриб бугорком и снова опадает – тело Шейха живёт собственной жизнью, пока его сознание захвачено африканским *живым*.

Славик пьёт кофе, ходит вдоль панорамного окна, сидит в алом кресле, листает каталог техники – крутые камеры, ему бы такие в Кении. Но всё, хорош, сказал же, последний раз.

Через полтора часа Шейх возвращается в реальность апартаментов на восьмидесятом этаже Бурдж-Халифы. Стягивает с лица маску – внутри неё ещё секунду светится трёхмерное изображение.

– Мощно. Беру.

Славик ухмыляется в кофейную чашку. Как он сказал, «для связи с реальностью»?

– Эта сцена, где их шестеро. Это где? В Уганде?

– Какая разница? В Уганде, в Руанде, в Сомали. Где угодно. Это Африка.

– Давно хотел спросить: а ты сам с ними тоже? *С телами?*

Славик смотрит на раскрасневшееся поплывшее лицо Шейха, на влажные от пота волосы, на след маски по лбу и переносице. Вспоминает лысую кенийку, как она вошла в комнату на втором этаже, как едва обернулась в его сторону, как он подскочил к ней со стаканом, а она медленно *приняла* из его рук, а он смотрел на её пальцы и думал: может ведь убить меня, если захочет, превратить в пыль.

– Я их не трахаю. Только снимаю.

Шейх достаёт из плетёного ящика под столом похожую на пистолет зажигалку для кальяна, снимает серебряный колпак с чашки, щёлкает кнопкой. Пламя с тихим гулом нагревает угли, вскоре они начинают светиться изнутри красным.

– Отдам своим, порежут на сцены, будем продавать частями, как обычно. Когда в следующий раз?

– Не знаю. Хочу паузу взять. Может, на год исчезну, может, больше.

Шейх шумно выдыхает дым. Слышно, как воздух свистит у него в груди.

– Хорошо, что сказал. Через год с *живым* свернём тему.

– Что, Сёстры прижали?

– Пока нет, хотя через год всё будет как у вас. Сёстры, Переход.

– Это в Африке так будет?

– Зря смеёшься. Везде. В Африке, здесь. У вас всё поменялось за один год, а ведь тоже никто не верил.

– Да брось. Мы до такого не доживём.

Шейх тянет кальян, вода в стеклянной колбе клокочет в такт его дыханию.

– Уже дожили. Я встречался с человеком в Стамбуле, месяц назад. В буферной зоне. Не знаю, как он туда пробрался, но не в этом дело. Он мне показал кое-что. С виду как шлем или яйцо, надеваешь на голову, потом разряд – и вперёд. Начинаешь видеть.

– Это же Morgenshtern.

Шейх морщится:

– Нет. Реальные вещи. Реальнее даже, чем эти твои.

Палец с золотым перстнем дважды постукивает по маске.

– Это всё уже в твоей голове – он мне так объяснил. Подсознание, кортекс, альфа-волны. Я не разбираюсь в деталях, я видел *картинку*, понимаешь? Если бы он записал то, что я видел, я бы его убил, клянусь. И ничего не надо снимать, никаких камер, эта штука сама у тебя из головы всё достаёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.